Штатный свидетель: источники рекрутирования и социальная роль в репрессиях по приказу №00447.// История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. Материалы межд. Научн. конференции. М.: РОССПЭН, 2013. С. 444-452

Кабацков А.Н.

Штатный свидетель: источники рекрутирования и социальная роль в репрессиях по приказу №00447.

«По поводу моего заявления от 2/VIII-37 г. могу показать, что это было написано по просьбе сотрудника НКВД (фамилию не помню) с журнала всех замечаний и докладных на трудпоселенцев работающих на пос. Яйва. Журнал этот хранился в спецкомендатуре и замечания в него вносились разными лицами.»[1] - так, спустя два десятка лет, описывал свое взаимодействие с органами НКВД бывший староста Яйвинского трудпоселка. Документы, сохранившиеся в архивах ПермГАНИ, не позволяют нам узнать, добровольно или по принуждению А.Я. Толок оказался участником самой массовой репрессивной кампании сталинской эпохи. Вместе с тем, документы архивно-следственных дел содержат материалы позволяющие исследователю существенно расширить представления о технологиях организации массового террора органами НКВД.

Отечественная историография массовых репрессий 1937-38 гг. постепенно обрастает историческими исследованиями позволяющими анализировать «Большой террор» в деталях. Формируется широкое поле профессиональных дискуссий. В последние годы, заметную роль в дискуссии о сталинском терроре играют работы, основанные на документах местных архивов, в которых исследуются массовые операции в регионах[2]. В их активе – обращение к архивным материалам, характеризующим низовой уровень реализации приказов наркомата НКВД[3]. Среди «героев» террористических кампаний появились новые исторические персонажи. В отличие от символических фигур эпохи террора – И.Сталина, Н.Ежова, Л.Кагановича и других представителей высшего партийного руководства и НКВД, новые герои были безымянны в масштабах «большого террора».

---

[1] Протокол допроса. //ПермГАНИ Ф. 641/1 Оп. 1 Д. 12567 т.3 Л. 64

[2] Подробную историографию исследований по сталинскому террору, в том числе и по массовым операциям см.: Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936-38 гг. –М.: РОССПЭН, 2009. – 432 с.

3 Важную роль в актуализации региональных архивных источников сыграл исследовательский проект инициированный немецкими историками М. Юнге и Р. Биннером, при поддержке Германского исторического института в Москве. Его результаты представлены в серии коллективных монографий и статей: Юнге М. Сталинизм в советской провинции 1937-1938 гг. Массовая операция на основе приказа №00447. (под ред. М.Юнге) – М.: РОССПЭН, 2009; «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937-1938 гг. [отв. Ред. Лейбович О.Л.] 2-е изд.– М.: РОССПЭН, 2009 – 318 с. и др.

«У всякого Бонапарта есть свой Тулон. Звездным часом лейтенанта госбезопасности Федора Павловича Мозжерина стало дело Общества трудового духовенства. Именно с него начался стремительный карьерный взлет Мозжерина, завершившийся на должности помощника начальника Особого отдела НКВД Урал ВО. Именно там в 1939 году его настиг арест и приговор Военного трибунала войск НКВД Московского округа. Поскольку люди типа Федора Мозжерина и являлись основными «рабочими лошадками» большого террора, есть смысл приглядеться к нему попристальнее» - описывал одного из региональных «стахановцев» террора 1937-38 гг. на территории Прикамья Александр Казанков[4].

Сталинские кампании репрессий вовлекли в круг своего влияния множество людей. Стремление начальника отдела найма и увольнения (ОНУ) Морзо, изобличить антисоветские настроения рабочих предприятия, вступала в конфликт с интересами директора завода Побережского, которому требовалось выполнять производственный план, с теми работниками, которые были. Директор завода в течение нескольких лет пытался разными способами приструнить, а когда не получилось, то уволить своего помощника по кадрам. Дело дошло до выступления Побережского на заседании бюро РК ВКП (б), где он изобличал своего «независимого» подчиненного: «…А что представляет комната № 2, которую Вы создали в ОНУ, ставшей притчей «во языцех». Вы молчите. Создаете комнату № 2, вызываете людей, допрашиваете «член ты организации и т.д.»[5].

Этот конфликт Побережского и Морзо, описанный А.Чащухиным, позволяет нам понять коллизии социальных взаимодействий тех лет. Стремление Морзо организовать на заводе кампанию по разоблачению антисоветских заговоров и организаций, не зависело от столичного руководства наркомата внутренних дел. В тоже время, без «маленьких героев», решавших свои локальные задачи, властные импульсы не были бы реализованы с тем размахом и в тех масштабах, которые можно наблюдать с позиций сегодняшнего дня[6].

Региональные исследования дополняют концепцию «Большого террора» деталями и подробностями, которые зачастую отсутствуют в документах центральных архивов о массовых операциях. Сводки и отчеты с мест, направлявшиеся местными органами НКВД в столицу, были выдержаны в бюрократическом каноне: если исходный приказ о массовой операции содержал указание на очистку деревни и города от антисоветских элементов, кулаков и уголовников: «… Перед органами государственной безопасности стоит задача — самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ

---

[4] А.И. Казанков Дело «Общества трудового духовенства»// «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937-1938 гг. [отв. Ред. Лейбович О.Л.] 2-е изд.– М.: РОССПЭН, 2009. С. 57

[5] А.В. Чащухин Участие советских органов власти в проведении «кулацкой операции» в Прикамье// «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937-38 гг. – Пермь: Пермский гос. Техн. Ун-т, 2006, С. 234

[6] Там же. С.228-235

от их контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства»[7], то в отчетах направляемых областным (республиканским) Управлением НКВД в наркомат находим сведения об аресте и осуждении «кулаков», «уголовников» и прочих антисоветских элементов.

В этой связи, обращение к вольным или невольным участникам, жертвам большого террора позволяет расширить научные представления об историческом прошлом, сделать концептуальное понимание событий прошлого объемным, придать ему историческое измерение.

Главный герой настоящего исследования – «штатный свидетель», один из малозаметных актеров большой исторической драмы. В исторических исследованиях, ему редко уделяют внимание. По мнению известного историка Олега Хлевнюка, высказанному им в дискуссии с Еленой Зубковой на тему «Большого террора»: «Штатные свидетели - это были те же самые осведомители, завербованные НКВД, которые по заданиям сотрудников НКВД писали определенного рода показания на тех людей, на которых им указывали»[8].

Материалы архивно-следственных дел изученные автором и его коллегами не позволяют полностью ни подтвердить, ни документально опровергнуть данное суждение. Поэтому уместно изучить исторические обстоятельства, в которых была актуализирована роль штатного свидетеля в ходе массовых операций 1937-38 гг.

В архивно-следственных делах кулацкой операции, содержатся протоколы допроса 1957-58 гг. свидетелей «изобличавших» в 1937 году «заговорщиков и контрреволюционеров» арестованных НКВД. Эти люди, подписывали протоколы допроса с показаниями, которые были использованы следователем для обвинения их соседей, коллег по работе, таких же, как они сами рабочих промышленных производств или кустарно-промысловой артели. Те, против кого «штатные свидетели» давали показания были приговорены либо к высшей мере наказания (ВМН) и расстреляны, либо к 10 годам исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) и надолго оказались вне нормальной жизни.

Вернемся к ситуации получения свидетельских показаний старосты Яйвинского трудпоселка А.Я. Толока в июне 1957 году. Помимо него следователь следотдела УКГБ при СМ СССР по Молотовской области лейтенант Ермаков допрашивал еще двух человек, как они давали показания по делу «яйвинских повстанцев» в августе 1937 года. По всей видимости, допрашивал он по списку тех свидетелей, которые по-прежнему жили в 1957 году в Кизеловском районе. Всего по материалам следственного дела о пятнадцати «яйвинских повстанцах» проходят 8 штатных свидетелей.

---

[7] Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Союза С.С.Р. № 00447 от 30.08.1937// Книга памяти жертв политических репрессий. – Ульяновск, 1996. Т.1. С. 766.

[8] Исповедь чекиста Шпакова. Из истории «большого террора». [Интернет-ссылка: http://www.svoboda.org/content/transcript/24199709.html]

Сверка данных по базе репрессированных в 1937-38 гг. на территории Прикамья по массовым операциям, показала, что эти свидетели в ходе массовых операций аресту не подвергались. Материалы дела не позволяют уверенно утверждать, что иммунитет от ареста им обеспечили подписанные свидетельские показания.

В 1957 году бывшие штатные свидетели, однообразно поясняли содержание «разоблачений», содержащихся в прежних протоколах допроса: «По существу предъявленных мне моих прежних показаний могу показать, что таких показаний как записано в этих протоколах допроса я не давал …», «сам я эти протоколы допросов не читал и мне их не читали, а сотрудник НКВД вызывал и предлагал подписать уже составленный протокол допроса».[9] У историка нет возможности проверить истинность этих высказываний, к тому же записанных следователем по шаблону. Вместе с тем, протоколы допроса содержат несколько фрагментов оправданий, на которые допрашиваемые пытались сослаться, описывая ситуацию двадцатилетней давности: «Я только рассказывал сотрудникам НКВД об отдельных фактах нездоровых высказываний со стороны БОРОДИНА и ХАРЧЕНКО направленных на недовольство своим материальным положением. Других каких-либо компрометирующих показаний в отношении вышеперечисленных лиц я не давал» - пояснял один из штатных свидетелей[10].

Другой свидетель, в схожем ключе, поясняет свое поведение на допросе 1937 года: «В отношении Ситник я вообще никаких компрометирующих показаний не давал, в отношении ОЖИГИНА я говорил сотруднику НКВД только о том, что мне от него приходилось слышать нездоровые разговоры направленные на недовольство своим материальным положением, в отношение Харченко я припоминаю, что я только говорил на допросе, что мне было известно о том, что когда Харченко проживал на Украине он как то избил председателя сельского совета, за что он его избил я сейчас уже за давностью времени не помню, а таких показаний, что Харченко враждебно настроен к советской власти я никогда не давал»[11].

В процедурах, через которые пришлось пройти штатному свидетелю в 1937 году, можно выделить два значимых компонента: разговор со следователем, он же допрос, в ходе которого следователь расспрашивал вызванного в НКВД трудпоселенца о знакомых, соседях, сослуживцах. И подпись под протоколами допроса. В последнем случае, оформленные в качестве показаний материалы вряд ли предоставлялись для внимательного изучения свидетелю, к тому же не всегда грамотному и способному быстро разобрать почерк следователя. В иных следственных делах, относящихся к

---

[9] Протокол допроса Коледа П.М. от 26 июня 1957 г.. 26.06.1957 ПермГАНИ. Ф. №641/1, Оп. 1. Д. 12567 т.3 Л.68-69.

[10] Протокол допроса Толок А.Я. от 25 июня 1957 г. //ПермГАНИ Ф. 641/1 Оп. 1 Д. 12567 т.3 Л. 64

[11] Протокол допроса Головко Х.Я. от 26 июня 1957 г. //ПермГАНИ Ф. 641/1 Оп. 1 Д. 12567 т.3 Л. 66

октябрю и ноябрю 1937 года, «чистосердечные» признания обвиняемых, и «разоблачительные» показания против других арестованных сопровождались подписью допрашиваемого после каждого абзаца содержащего обличительный материал. Такие подписи следователь получал у сломленного арестованного, у которого уже не было воли и сил сопротивляться «машине террора» в образе работника НКВД.

Разговор со следователем, и подпись под протоколом – два элемента одной цепочки социальной игры, которой управлял следователь. Разговор втягивал свидетеля в обсуждение арестованных, делал его соучастником процесса расследования антисоветских настроений, высказываний, поступков. Подпись под протоколом подготовленным следователем, становилась продолжением роли свидетеля, и уже не столь важно, происходило ли это сразу после разговора или на следующий день.

На стороне следователя была власть и социальное давление, которое испытали трудпоселенцы до допроса. Если судить по датам документов следственного дела, а в августе 1937 года эти даты сохраняли связь с реальной хронологии событий, то аресты обвиняемых прошли за 2-4 дня до вызова свидетелей в НКВД. Население трудпоселка должно было обсуждать внезапные аресты между собой, создавая атмосферу нервозности и повышенной опасности. Можно предположить, что жители трудпоселков хорошо помнили кампанию по раскулачиванию 1930-33 года, которая лишила их хозяйства, нажитого имущества и разрушила налаженную жизнь. В первых августовских арестах трудно было угадать начало массового террора, но они должны были взбудоражить трудпоселок.

Вызов к следователю мог означать все что угодно, в том числе и надвигающийся арест. Вариантов поведения в такой ситуации не много. И навязываемая следователем роль штатного свидетеля, выражавшаяся в наводящих вопросах об арестованных соседях, коллегах по работе или предполагавшая даже простое подписание протокола составленного следователем заранее, могла выглядеть «меньшим из зол». У принимавшего эту роль трудпоселенца не было ресурсов для влияния на оппонента – следователя, но был шанс избежать ареста. Разговор со следователем, о котором упоминают штатные свидетели, был их шансом на спасение, и они им пользовались.

Большое количество свидетелей в деле о «яйвинских повстанцах», ставит под сомнение тезис, что это были секретные сотрудники НКВД, использованные в качестве легальных разоблачителей антисоветских настроений граждан.

В одном из архивно-следственных дел ПермГАН были обнаружены материалы агентурных донесений 1935-37 гг. составлявших часть агентурного дела «Недовольные» заведенного в Лысвенском Горотделении УНКВД по Свердловской области 14 марта 1936 года. Агентурное дело заведено на рабочих Лысвенского завода – Гашева Г.Н., Фурлетова В.С., Фурлетова С.М., Фурлетова П.М., Четина Н.В. и Меринова И.П. Агентурную разработку вели два осведомителя с агентурными именами «Тверский» и

«Рогачев». Выдержки из самого раннего донесения датированы 17 сентября 1933 года. После оформления агентурного дела, количество информации о встречах, высказываниях перечисленных лиц резко возрастает. В следственных делах, подготовленных по материалам агентурных донесений, на Гашева Г.Н. и Фурлетовых интенсивно используется материал агентурных донесений, подробно описываются социальные связи этих людей, их встречи, разговоры. Но внешних свидетелей, дающих показания по делу, в дуле Гашева и Фурлетовых не используется. К тому же, в отличие от дела «яйвинских повстанцев», Гашев Г.Н., Фурлетов В.С. были приговорены не к ВМН, а к 10 годам заключения в исправительном трудовом лагере[12]. При этом в Обвинительном заключении, относительно Гашева Г.Н. и Фурлетова В.С., приводились цитаты из агентурных донесений: «Советская власть разорила крестьянство. Им живется хуже всех. Рабочий тоже гложет сухой кусок. Все это будет до тех пор пока существует Советская власть», «Я тогда буду за Советску власть когда трёхрублёвая пачка папирос будет стоить 30 коп.»[13] Эти материалы агентуры так и не превратились в фактор отягощающий вину арестованных. Гашев и Фурлетов получили по 10 лет ИТЛ, что в условиях кулацкой операции, когда приговор Тройки был либо ВМН, либо 10 года ИТЛ, можно считать относительно мягким вариантом.

В обвинительном заключении «яйвинских повстанцев», которых «изобличили» штатные свидетели, используются общие формулировки в антисоветской агитации и контрреволюционной деятельности. Но арестованные представлены в качестве организованной повстанческой группы, и видимо поэтому, приговорены к высшей мере наказания.

Не только в деле трудпоселенцев поселка Яйва, упоминаются свидетели. Обзорная справка от 22 августа 1957 из иного следственного дела позволяет нам узнать, что в схожей ситуации арестов и подготовки дела на представителей сообщества трудпоселенцев, к показаниям против арестованных также были привлечены соседи и коллеги арестованных по работе: «Певницкий и Фаббро были арестованы в августе 1937 года и обвинялись в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-10 УК РСФСР. Поводом к их аресту послужил рапорт поселкового коменданта ЕЛЫКАНОВА от 1.08.1937 года, указавшего на антисоветские проявления со стороны ПЕВНИЦКОГО.

В ходе следствия по делу были допрошены свидетели ЮРАГО В.В., ЕРОХИН Л.А., ЧЕРНЫШЕВ К.Д., КОПТИЛОВА В.И., ЯКИМОВА Р.А., которые в своих показаниях привели некоторые факты антисоветских высказываний ПЕВНИЦКОГО и ФАББРО» [14]. В деле также содержится выписка из протокола заседания тройки при УНКВД Свердловской области от 27 сентября 1937 года, из которой становится известно, что Фаббро А.Г. была осуждена к ВМН.

---

[12] Выписка из протокола Заседания тройки при УНКВД Свердловской области от 22 октября 1937 года. // ПермГАНИ Ф. 641/1 Оп. 1 Д. 16880 Л. 24-25

[13] Обвинительное заключение. // ПермГАНИ Ф. 641/1 Оп. 1 Д. 16880 Л. 23

[14] Обзорная справка по архивно-следственному делу № 27669//ПермГАНИ Ф.641/1-Оп.1-Д.12567 т.3-Л. 20

В процитированной выше обзорной справке привлекает внимание созвучие модели действия следователя с Кизеловским коллегой. Староста трудпоселка расположенного на территории Кизеловского района, комендант трудпоселка размещенного в Лысьвенском районе – оба они 1-2 августа, т.е. спустя всего несколько дней после выхода оперативного приказа № 00447 проявляют «сознательность» и «пишут» один письмо, другой рапорт работнику НКВД об антисоветских проявлениях в трудпоселении. Заметим, что приказ № 00447 не только не был нигде опубликован, его содержание было неизвестно рядовым работникам НКВД, выполнявших в ходе массовых операций, как правило, устные распоряжения непосредственного руководства, полученные в ходе совещания, или в рабочей обстановке[15].

Приказ № 00447 готовился заранее. Органы НКВД на местах также к нему готовились. В ходе всей массовой кампании 1937-38 гг. можно увидеть стремление работников местного НКВД рационализировать процесс организации арестов, проведения дознания и «разоблачения повстанческих контрреволюционных организаций». Левоцкий, начальник горотдела НКВД г. Перми, после получения указания провести новую волну арестов, чертил схему, по которой планировалось оформлять арестованных на элементы повстанческой сети. Поэтому вполне возможно, что на инструктаже перед проведением операции были даны указания: составлять групповой список и подшивать его к делу, используя как свидетельство разоблачения повстанческих организаций. Поэтому староста или комендант были востребованы в качестве составителя такого списка, который в действительности формировался на основе записей комендатуры или по данным отдела кадров. Учитывая окружающую обстановку, вряд ли у этих должностных лиц был шанс отказаться выполнять требования работника НКВД.

В завершении описания роли «штатного свидетеля» отметим, что двусмысленность ситуации, в которую попадали люди, подписывающие свидетельские показания никак не волновала следователя. Свидетелем был человек, по всем социальным характеристикам напоминавший арестованных. Он был трудпоселенцем, то есть его легко можно было записать в кулаки. Подписывая протокол с рассказом об антисоветских высказываниях арестованных, он фактически признавался, что и сам вел антисоветские разговоры на те же самые темы, что и обвиняемые. И штатный свидетель, и обвиняемые были частью одной социальной среды. Но для следователя они были разными людьми, так как именно работник НКВД назначал им роли и определял правила их исполнения, а значит, проводил зримую идентификационную границу между теми, кто был стигматизирован в

[15] Оперуполномоченный М.Д. Аристов в конце 1937 г. вспоминал на допросах в 1939 году, что указание «произвести «произвести срочный учет контрреволюционного элемента, который может служить базой для иностранных разведок» при подготовке к краснокамской операции он получил от зам. нач. Пермского ГО НКВД Василия Ивановича Былкина во время поездки в машине, по пути к месту своей работы. См.: А.Н. Кабацков, И.Ю. Федотова Приказ НКВД № 00447. Массовые репрессии в г.Краснокамске в 1937-38 гг. //Вестник архивиста. 2010. №4. С. 161-174, 2011.№1. 150-163

качестве жертвы, и теми, кто оказывался вовлеченным соучастником операции.

Вместе с тем, следует учитывать, что штатный свидетель должен был правильно сыграть отведенную роль. Отвечая на вопросы, ему следовало уловить ожидаемые от него формулировки и рассказывать не только про прогулы, но и «вспомнить» о фактах террористической работы коллеги из соседней бригады, показать его враждебную деятельность. Штатный свидетель должен был назвать имена или согласиться с теми, что ему подскажет следователь. В конечном счете, он принимал на себя роль участника репрессивного процесса на стороне обвинения, так как иначе его ждала бы категоризация в качестве жертвы, превращение из свидетеля в обвиняемого.

Таким образом, в разговоре следователя НКВД с вызванным к нему трудпоселенцем, происходило формирование новой следственной технологии, позволявшей следователю расширить базу обвинений и включить в нее лиц, против которых не было показаний осведомителей. Так, с первых шагов реализации кулацкой операции расширялось поле репрессий. В дальнейшем, роль штатного свидетеля немного трансформируется. Когда лимиты на аресты были расширены, и следователь должен был уже оформлять дела на людей представлявших социальную амальгаму, штатный свидетель помогал ему объединять их в единый повстанческий взвод, соединяя показаниями разрозненные частички социального мира, в общую «банду заговорщиков». С его помощью следователь создавал стройные диверсионные отряды контрреволюционеров и террористов, готовивших восстание против советской власти.

С угасанием массовых операций необходимость в штатном свидетеле исчезает. Это была функциональная фигура. В этом качестве роль штатного свидетеля выглядит символом времени. Она проявляет перед историком практики личностного выживания, которые использовали люди, оставаясь один на один с репрессивной машиной террора.

УДК 94(47+57)(082.1)
ББК 63.3(2)
И90

И90 **История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий** : материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 18–20 октября 2012 г. / сост. А. Сорокин, А. Кобак, О. Кувалдина. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2013. – 485 с. : ил. – (История сталинизма. Дебаты).

ISBN 978-5-8243-1801-2

В сборник вошли материалы международной научной конференции «История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий», прошедшей в Санкт-Петербурге в октябре 2012 г. Конференция, пятая из цикла «История сталинизма», посвящена изучению социальных аспектов репрессий. Значительное внимание уделено проблеме централизации различных карательных акций сталинского периода, степени их социальной поддержки, роли импульсов снизу в инициировании и радикализации террора. Актуальными остаются вопросы повседневной истории террора: с одной стороны, действия исполнителей и «добровольных помощников», с другой – противодействие арестам и официальной идеологии. Особого рассмотрения требуют социально-культурные последствия террора и противоречивый процесс их преодоления.

Издание адресовано научным работникам, всем интересующимся социальной и политической историей России.

УДК 94(47+57)(082.1)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8243-1801-2

© Коллектив авторов, 2013
© Российская политическая энциклопедия, 2013

I. ПАМЯТЬ ТЕРРОРА

Жобер В. Репрессии и гонения на фоне повседневной жизни в дворянской семье в Ленинграде 274

Токарев В. А. «Павел Греков» как театральная эпитафия к «ежовщине» 282

IV. ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Деннингхаус В. Феномен перемены национальной идентичности в преддверии Большого террора 294

Лягушкина Л. А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора в Башкирской АССР: анализ базы данных по региональным «книгам памяти» 305

Савин А. И. Евангельские верующие в 1930-е гг.: практики политической адаптации 317

Иванов А. С. Калмыки в Сибири (1944–1956): сохранение этнической идентичности на спецпоселении 325

Кулакова Е. Ю. «И сейчас мы живем, как все люди советские: получаем пенсию, учим детей». Сопоставление сценариев автобиографического повествования депортированных российских немцев 334

Мусабекова Р. М. Террор и репрессии в повседневной жизни одного русского писателя в Казахстане 345

V. СОПРОТИВЛЕНИЕ

Прасолов Д. Н. Восстания в Кабардино-Балкарии конца 1920-х гг.: социальное содержание и этнокультурные последствия 354

Морозова А. Ю. Голодовки политзаключенных в 1920–1930-е гг.: место в тюремном сопротивлении и опыт классификации 364

Рябченко О. Л. Формы повседневного противодействия украинских студентов политике советской власти (конец 1920-х – 1930-е гг.) 374

Морозов К. И. Ходатайства и поручительства коммунистов за арестованных социалистов в контексте субкультуры российского революционера 383

Лаукайтите Р. Социальные аспекты репрессии: переход на нелегальное положение в Литве в 1944–1953 гг. . . . 393

Савенко Е. Н. Нелегальная печать в Сибири в контексте социального протеста (конец 1920-х – середина 1940-х гг.) . . 402

Ватлин А. Ю. Сопротивление на этапе следствия: по материалам «немецких дел» Московского управления НКВД 1937–1938 гг. 411

Лейбович О. Л. Индивидуальные стратегии сопротивления террору в годы Большого террора в 1935–1938 гг. 418

VI. АКТОРЫ ТЕРРОРА

Хаустов В. Н. Менталитет сотрудников органов государственной безопасности НКВД СССР в период массовых репрессий 428

Теплянов А. Г. Исполнители смертных приговоров в системе ведомственной иерархии ВЧК–МГБ 435

Кабацков А. Н. Штатный свидетель: источники рекрутирования и социальная роль в репрессиях по приказу № 00447 444

Калонков А. И. Деревенский «observer» (фигура доносчика в панораме Большого террора) 453

Мусагалиева А. С. Архивные документы о надзирателях и надзирателей Степлага и АЛЖИРа 463

Бородкин Л. И. «Преступно-халатный конвой»: происшествие на прокладке автозимника Могоча – Борский лагерь (1949 г.) 469

А. Н. Кабанов

ШТАТНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ: ИСТОЧНИКИ РЕКРУТИРОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ В РЕПРЕССИЯХ ПО ПРИКАЗУ № 00447

«По поводу моего заявления от 2/VIII–37 г. могу показать, что это было написано по просьбе сотрудника НКВД (фамилию не помню) с журнала всех замечаний и дополнений на трудпоселенцев, работающих на пос. Яйва. Журнал этот хранился в спецкомендатуре, и замечания в него вносились разными лицами»[1] – так, спустя два десятилет. описывал свое взаимодействие с органами НКВД бывший старшина Яйвинского трудпоселка. Документы, сохранившиеся в архивах ПермГАНИ, не позволяют нам узнать, добровольно или по принуждению А. Я. Тонов оказался участником самой массовой репрессивной кампании сталинской эпохи. Вместе с тем документы архивно-следственных дел содержат материалы, позволяющие исследователю существенно расширить представления о технологиях организации массового террора органами НКВД.

Отечественная историография массовых репрессий 1937–1938 гг. постепенно обрастает историческими исследованиями, подробнейшими анализирующими Большой террор в деталях. Формируется широкое поле профессиональных дискуссий. В последние годы заметную роль в дискуссии о сталинском терроре играют работы, основанные на документах местных архивов, в которых исследуются массовые операции в регионах[2]. В их активе – обращение к архивным материалам характеризующим низовой уровень реализации приказа наркомата НКВД. Среди «героев» террористических кампаний оказались по-

[1] Протокол допроса // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12587. Т. 3. Л. 84.

[2] Попробую систематизировать исследований по массовому террору в контексте его массовых операциях см.: Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2009. С. 454.

[3] Вопрос о роли в организации региональных массовых политических кампаний исследовательский проект, инициированный, исследовали историки М. Юнге и Т. Бонвеч-

ные исторические персонажи. В отличие от символических фигур эпохи террора – И. Сталина, Н. Ежова, Л. Кагановича – и других представителей высшего партийного руководства и НКВД, новые герои были безымянны в масштабах Большого террора.

«У всякого Бонапарта есть свой Тулон». Звездным часом лейтенанта госбезопасности Федора Павловича Мозжерина стало дело Общества трудового духовенства. Именно с него начался стремительный карьерный взлет Мозжерина, завершившийся на должности помощника начальника Особого отдела НКВД УралВО. Именно там в 1939 г. его настиг арест и приговор Военного трибунала войск НКВД Московского округа. Поскольку люди типа Федора Мозжерина и являлись основными «рабочими лошадками» Большого террора, есть смысл представить о нем подробнее», – описывая самого из региональных «стахановцев» террора 1937–1938 гг. на территории Прикамья Александр Казанцев[1].

Сталинские кампании репрессий вплелись в круг своего влияния множество людей. Стремление начальника Отдела найма и увольнения (ОНУ) Морхо изобличить антисоветские настроения рабочих предприятия вступало в конфликт с интересами директора завода Побережского, которому требовалось выполнить производственный план с теми работниками, которые были. Директор завода в течение нескольких лет пытался разными способами приструнить, а когда не получилось, то уволить своего помощника из кадров. Дело дошло до выступления Побережского на заседании бюро РК ВКП(б), где он изобличая своего «независимого» подчиненного: «...А что представляет комната № 2, которую Вы создали в ОНУ, ставшей притчей "во языцех". Вы молчите. Создание комнату № 2, вызываете людей, допрашиваете "лиц по организации" и т. д.»[2].

Этот конфликт Побережского и Морхо, описанный А. Чащухиным, позволяет нам понять полнизм социальных взаимодействий тех лет. Стремление Морхо организовать на заводе кампанию по ра-

рой, при поддержке Германского исторического института в Москве. Его результаты будут изложены в серии коллективных монографий и статей: Юнге М. Сталинизм в провинции 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / под ред. М. Юнге. М.: РОССПЭН, 2008; «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. / [отв. ред. О. Л. Лейбович]. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2008. С. 348. и др.

[1] Казанцев А. Н. Дело «Общества трудового духовенства» // «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. / [отв. ред. О. Л. Лейбович]. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2009. С. 87.

[2] Чащухин А. Е. Участие советских органов власти в проведении «кулацкой операции» «Приказ № 00447» // «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2008. С. 231.